

Александр Куприн

СВЯТАЯ ЛЮБОВЬ

T8RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К92

Куприн, А.

К92 Святая любовь / А. Куприн. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. — 152 с. — (Модное чтение).

ISBN 978-5-521-78010-5

Александр Иванович Куприн (1870–1938) — известный русский писатель, творчеству которого присущ активный, действующий гуманизм, пламенная любовь к природе и человеку.

«Святая любовь» — прекрасный сборник рассказов и повестей писателя, среди которых: «Страшная минута», «Мясо», «Миллионер», «Святая любовь» и многие другие. Отличающиеся глубоким психологизмом и неповторимыми сюжетами, произведения настоящего мастера литературы оставят неизгладимый след в душе каждого читателя.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-78010-5

© Т8RUGRAM, оформление, 2018
© Т8 Издательские технологии, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Картина.....	5
Страшная минута.....	25
Мясо.....	49
Без заглавия.....	67
Ночлег.....	81
Миллионер.....	99
Лолли.....	111
Пиратка.....	123
Святая любовь.....	135
Жизнь.....	147

КАРТИНА

I

На вечере у одного известного литератора, после ужина, между собравшимися гостями затеялся неожиданно горячий спор о том, бывает ли в наше, скудное высокими чувствами, время настоящая, непоколебимая дружба? Все единогласно высказались, что — нет, такой дружбы не бывает и что теперешняя дружба многих испытаний совсем не может выдержать. В определении же причин, расторгающих дружбу, спорщики разошлись. Один говорил, что дружбе мешают деньги, другой — женщина, третий — сходство характеров, четвертый — бремя и заботы семейной жизни, и все в таком роде.

Когда же спорщики, накричавшись вдоволь и ничего не выяснив, устали, тогда один почтенный человек, до сих пор в прения не вступавший, сказал:

— Все, господа, сказанное вами, очень веско и замечательно. Однако я знаю в жизни пример, когда дружба прошла сквозь все перечисленные препятствия и осталась неприкосновенною.

— И что же, — спросил хозяин, — эта дружба так до гроба и продолжалась?

— Нет, не до гроба. А тому, что она пресеклась, была особая причина.

— Какая же? — спросил хозяин.

— Причина очень простая и в то же время удивительная. Дружбу эту расторгнула святая Варвара.

Так как из гостей никто не понял, как это святая Варвара могла в наш меркантильный век разорвать дружбу,

то все просили Афанасия Силыча (так звали почтенного человека) объяснить свои загадочные слова.

Афанасий Силыч на это улыбнулся и ответил:

— Тут загадочного ничего нет. История эта простая и печальная, история страданий большого сердца. И если вам действительно угодно будет послушать, то я сейчас ее с удовольствием и расскажу.

Все приготовились слушать, и Афанасий Силыч начал свой рассказ.

II

В начале девятнадцатого столетия была известна богатством, знатностью рода и большою гордостью фамилия князей Белоконь-Белоноговых. Но сама судьба эту фамилию осудила на вымирание, так что теперь об ней уже нет и помину. Последний ее боковой отпрыск — не в осуждение говорю — кончил недавно свое земное поприще в аржановском доме (есть такой известный ночлежный вертеп в Москве) среди золоторотцев, пьяниц и разбойников. Но до него мой рассказ не коснется, потому что предметом его будет князь Андрей Львович, с которым и прекратилась прямая линия.

При жизни отца — а это было еще во время крепостной зависимости — князь Андрей служил в гвардии и считался одним из самых блестящих офицеров. Деньгам счету не знал, танцор, красавец, женский любимец, дуэлист, — ну, чего еще, кажется? Однако, когда папаша скончался, князь Андрей службу бросил, как его ни уговаривали остаться. «Я, говорит, с вами пропаду здесь, а мне любопытно узнать все, что мне от судьбы определено».

Странный он был человек, своеобычный и, так сказать, фантастический. Лестно ему казалось всякую свою мечту сейчас же и на деле доказать. Как только схоронил он князя Льва Андреевича, так сейчас и закатился по заграницам. Удивительно, где его ни носило! Высылались ему деньги через всякие агентства и банкирские дома, то в Париж, то в Калькутту, то в Нью-Йорк, то в Сидней. Это все, опять повторяю, мне доподлинно известно, так как мой отец был у него главным управляющим над всеми его двумястами тысяч десятин.

Через четыре года воротился князь Андрей, исхудалый, бородищей оброс, сам от загара коричневый, — и узнать трудно. Как приехал, да засел в своей пнищевской усадьбе, да надел халат, только его и видели. Заскучал.

А я в то время к князю очень сделался вхож, потому что он меня полюбил за мой характер веселый, и все-таки я кое-какое образование получил, так что мог ему собеседником служить. Опять же я свободный человек был: отец меня еще при князе Льве Андреевиче откупил.

Всегда князь Андрей встречал меня ласково и садиться велел. Даже сигарами потчевал. Сидеть я при нем скоро привык, а к сигарам никак притерпеться не мог — все у меня от них вроде морской болезни делалось.

Любопытно мне было все эти вещи рассматривать, какие князь из путешествия с собою привез. Шкуры тигровые и львиные, сабли кривые, божков, чучела зверей разных, дорогие камни и материи. А князь, бывало, лежит на диване своем огромном, курит и хоть над моим любопытством смеется, однако все это сейчас же объяснит. А потом, как увлечется сам да начнет свои приключения рассказывать, так, поверите ли, у меня от восторга мураши по спине

бежали. Только он говорит-говорит, да вдруг сморщится и замолкнет. Ну и я молчу. Тогда князь вдруг и скажет:

— Скучно мне, Афанасий. Ну вот я весь свет объехал, все видел, в Мексике лошадей диких ловил, в Индии на тигров охотился, и тонул, и песком меня засыпало — ну, а дальше что же? Нет, — говорит, — ничего на свете нового.

А я ему на это, знаете, по простоте отвечаю:

— Вам бы жениться, князь.

Он на это только засмеется.

— Я бы, — говорит, — женился, когда бы нашел женщину такую, чтобы я ею дорожил и уважал бы ее. Я вот всех наций и сословий женщин видел, и все-таки я не урод, и не глуп, и богат, так что они мне знаки своего внимания очень оказывали, а такой женщины, какую мне нужно, я не видел. Все они либо продажны, либо развратны, либо глупы, либо уж чересчур добродетельны, и с ними одна тоска. А мне все-таки скучно. Вот другое дело, если бы у меня какой-нибудь талант или дар был...

Я на это обыкновенно говорю:

— Да какого же вам еще, князь, таланта надобно? Слава богу, из себя красавец, земли, сами говорите, больше, чем у иного немецкого принца, силищей этакой бог наградил. Я бы и никакого таланта не желал.

А князь усмехнется на это и скажет:

— Глуп ты, Афанасий, и еще чересчур молод. Поживешь и, коли не исподличаешься, вспомнишь мои эти самые слова.

III

Впрочем, у князя Андрея был свой талант и, на мой взгляд, даже очень большой, а именно — живописный, к чему он еще в детстве оказывал склонности. Будучи за

границей, князь почти с год провел в Риме, учился рисовать картины и даже, как он сам рассказывал, одно время думал сделаться настоящим художником, но почему-то раздумал или заленился. Сидя у себя в Пнищах, он про свои занятия вспомнил и опять принялся рисовать красками. Нарисовал реку, мельницу, образ святителя Николая для церкви — очень хорошо нарисовал.

А кроме этого занятия, было у князя еще одно развлечение — ходить на медведя. В наших местах этого зверя — страсть сколько. И ходил всегда по-мужицки, с рогатиной и с ножом, а с собой брал только охотника Никиту Драного. «Драным» его называли за то, что ему медведь с черепа кожу своротил, так он навеки и остался.

С народом был прост и приветлив. Так прост, что если понадобится мужику лесу на избу или лошадь пала, сейчас так прямо к князю и идет, — знает, что отказу не будет. Только рабства и лакейства не любил и, вот тоже, лжи никогда не прощал никому.

За что его еще крепостные обожали, так это за то, что озорства по части женской за ним не водилось, — извините за грубое слово. Девки в нашей стороне на всю Россию красавицы, и другие господа помещики целые гаремы держали, так что и для себя и для гостей. А у нас ни-ни. То есть, конечно, без этого не обходилось, по человеческой слабости, впрочем, тихо и скромно, на стороне, и никому обиды не выходило из этого.

Однако как ни был князь Андрей с низшими прост и пленителен, а с равными и с начальством был горд и дерзок, даже и без надобности. Особенно не любил чиновников. Бывало, приедет какой-нибудь по откупной части, или по полицейской, или по акцизной (а тогда дворяне

еще службу для себя почитали, кроме военной, унижительной), придет, да как иногда человек еще новый и начнет петушиться: «Почему то не так да то не этак!» Управляющий ему вежливо докладывает, что, мол, князеву распоряжение и отменять никак нельзя. Значит, понятно: получай свою положенную мзду и удайся. А тот все храбрится: «Да что мне ваш князь, я сам здесь закона представитель!» И сейчас, чтобы его до самого князя вели. Отец, бывало, уж из жалости остерегает: «Князь, дескать, у нас на руку тяжеленек». Куда! И слушать не хочет. Ну, таким манером, он и к князю Андрею наскоком является. «Помилуйте, что это за беспорядки? Да где это видано? Да я, да мы!» Князь все молчит-молчит, да вдруг как побагровеет да глазами сверкнет — страшный был во гневе человек. «На конюшню, каналью!» — крикнет. Ну, сейчас, натурально, расправа. В то время многие помещики это одобряли, и почему-то все на конюшне. По обычаю предков. А потом, через дня два, отец тайно от князя едет в город и наказанному везет пакетик с радужными. Я, бывало, уж осмелею, да и скажу ему: «Князь, а ведь чиновник-то жаловаться будет, как бы вам в ответе быть не пришлось». А он мне на это: «Ну, так что же? Пусть с меня взыскивает бог и мой великий государь, а я за продерзость наказать обязан».

Да на что же лучше, помилуйте, ведь он раз такую шутку губернатору отлил. Прибегает к князю Андрею однажды рабочий с парома и докладывает, что на той стороне реки губернатор. Князь и говорит:

— Ну так что же из этого?

— Да он, говорит, паром требует, ваше сиятельство. Умный был мужик, знал князев характер.